

## Плехановъ и рабочія массы.

Въ лицѣ Плеханова рабочій классъ потерялъ не только незамѣнимаго учителя и вожда, но и рыцаря безъ страха и упрека, до мозга костей преданнаго дѣлу пролетаріата.

Плехановъ никогда не принадлежалъ къ числу тѣхъ льстецовъ пролетаріата, которые кадятъ ему оиміамъ, но по существу относятся къ рабочей массѣ, какъ къ матеріалу, используемому для своихъ цѣлей. Плехановъ, всегда безстрашно смотрѣвшій правдѣ въ глаза и громко высказывавшій эту правду, не боясь тѣмъ самымъ утратить свою популярность, не закрывалъ глазъ на темноту и некультурность рабочихъ массъ. Но рабочая масса никогда не была для него простымъ орудіемъ, объектомъ для воздѣйствія,

Революціонеръ всѣми фибрами своей души, онъ,

5) О войнѣ, стр. 68.

6) Тамъ же, стр. 84.

7) Тамъ же, стр. 85.

начиная съ первыхъ своихъ выступленій и до послѣд-  
няго дыханія, остался вѣренъ своей идеѣ, что „не  
рабочіе нужны для революціи, а революція нужна для  
рабочихъ“ („Наши разногласія“). Во имя этой идеи онъ  
всегда боролся противъ тѣхъ революціонеровъ, которымъ  
некогда ждать, пока рабочія массы достаточно соз-  
рѣютъ и окрѣпнутъ, чтобы стать сознательными и  
активными участниками революціи.

Еще тогда, когда пръсыпавшійся къ исторической  
жизни рабочій классъ только стихійно волновался, а  
революціонная интеллигенція возлагала всѣ свои упо-  
ванія на крестьянство, Плехановъ указалъ на образо-  
ваніе рабочей партіи, какъ на „единственное средство  
разрѣшенія всѣхъ экономическихъ и политическихъ  
противорѣчій современной Россіи“. Онъ не скрывалъ  
того, что этотъ путь—путь „медленнаго политическаго  
воспитанія рабочаго класса“.

„Наши революціонеры—пишетъ онъ („Наши разно-  
гласія“) — какъ нельзя болѣе бояться медленности хло-  
потливой старухи (исторіи). Они хотятъ революціи  
какъ можно скорѣе и во что бы то ни стало“. И онъ  
напоминаетъ имъ пословицу — любишь кататься, люби  
и саночки возить, „политическій смыслъ который сво-  
дится къ тому безспорному положенію, что всякій,  
желающій поскорѣе добиться свободы, долженъ ста-  
раться заинтересовать рабочій классъ въ борьбѣ съ  
абсолютизмомъ“.

И двадцать лѣтъ спустя, когда блестяще оправда-  
лось предсказаніе Плеханова о роли рабочаго класса  
въ русскомъ революціонномъ движеніи, онъ снова бо-  
рется съ этимъ нѣтерпѣніемъ революціонной интел-  
лигенціи, разсматривающей рабочій классъ лишь какъ  
объектъ, который можно использовать. Онъ смѣло, не  
боясь упрековъ въ „буржуазности“ и „кадетизмъ“,  
бичуетъ „интеллигентскую кружковщину“, подъ влія-  
ніемъ которой идеологи пролетаріата „лишаются всякаго  
политическаго глазомѣра“ и стремятся „опередить  
историческій процессъ развитія“ („Замѣтки публици-  
ста. Новыя письма о тактикѣ и бездѣтельности“).

И въ эту эпоху первой Россійской революціи на  
его знамени красуется тотъ же девизъ доподлиннаго  
соціалъ-демократа: „не рабочіе для революціи, а рево-  
люція для рабочихъ“. Противоядіе противъ интелли-  
гентскихъ ошибокъ онъ видитъ въ **самодѣтельности**  
пролетаріата. „Совершенно избавить насъ отъ подоб-  
ныхъ ошибокъ—пишетъ онъ—только ростъ политиче-  
ской **самодѣтельности** пролетаріата. Развитіе **самодѣ-**  
**тельности** пролетаріата,—вотъ къ чему сводится поли-  
тическое завѣщаніе истекающаго 1906 г.“ (тамъ же).

И онъ привѣтствуетъ мысль о созывѣ рабочаго  
сѣзда и призываетъ осуществить эту мысль, несмотря  
ни на какія внѣшнія препятствія и „какъ бы громко  
ни кричала противъ него интеллигентская кружков-  
щина“. Его возмущаетъ притязаніе этой кружковщины  
держатъ рабочую массу подъ своей опекой, и изъ-подъ  
его пера вырываются негодующія строки: „Она, эта  
кружковщина, которая никогда не могла понять ученіе  
Маркса, какъ теорію эволюціи, а всегда понимала ее,  
какъ застывшую догму; она, которая никогда не умѣла  
опереться ни на что, кромѣ такой догмы, заученной  
ею наизусть и механически повторяемой; она, вся ду-  
ховная исторія которой есть непрерывный переходъ  
отъ одного вида непониманія современнаго социализма  
къ другому,—она, абстрактная и неумѣлая, боится,  
что рабочіе, собравшись на сѣздѣ, не сумѣютъ пра-  
вильно понять свои классовые интересы. Она вообра-  
жаетъ, что долгъ чести заставляетъ ее продолжать  
свою роль гувернантки пролетаріата. Эта безплодная  
старая дѣва не видитъ, что пролетаріатъ переросъ ее  
на цѣлую голову. Она этого не видитъ, потому что не  
хочетъ видѣть и тотъ только потому, что не хочетъ“.

Эта боязнь **самодѣтельности** пролетаріата, это стрем-  
леніе къ **опекѣ** надъ нимъ тѣмъ болѣе возмущаетъ  
Плеханова, что онъ видитъ ахиллесову пяту нашего  
массоваго движенія. Онъ неоднократно указываетъ на  
то, что „исторія приучила нашу народную массу къ

политической пассивности", что "наша народная масса привыкла ждать помощи сверху". И онъ не устаетъ призывать пролетаріата къ самодѣятельности и самокритикѣ. Онъ совѣтуетъ пролетаріату „почаще подвергать беспощадной критикѣ свои дѣйствія и жестокой насмѣшкѣ—слабыя стороны этихъ дѣйствій“. Онъ указываетъ, что такая самокритика особенно нужна „для пролетаріата, проходящаго первыя ступени своего развитія“. Такой пролетаріатъ рѣшительно не можетъ обойтись безъ услугъ многочисленныхъ „интеллигентовъ“. Оказывая ему услуги, многочисленные „интеллигенты“ приобрѣтаютъ рѣшающее вліяніе на всѣ его дѣйствія. Тактика пролетаріата на первыхъ ступеняхъ его развитія всегда оказывается, въ сущности, тактикой интеллигенціи. А эта тактика далеко не всегда соответствуетъ тому, что составляетъ задачу рабочаго класса, какъ такового.

Даже къ самымъ темнымъ, къ самымъ отсталымъ слоямъ рабочей массы Плехановъ училъ относиться крайне бережно и осторожно, чтобы не оттолкнуть ихъ отъ освободительнаго движенія. Говоря о борьбѣ съ оерносотеннымъ движеніемъ онъ указывалъ, что въ это движеніе втянуты и многіе безсознательные рабочіе, и призывалъ „внести свѣтъ сознанія въ эти темныя головы“, чтобы помочь имъ „разобраться въ томъ, кто ихъ врагъ, и кто другъ“. Онъ вѣритъ въ ихъ классовый инстинктъ, въ то, что „просвѣтительное воздѣйствіе сознательнаго пролетаріата“ на такихъ безсознательныхъ пролетаріевъ сотворитъ евангельское чудо: слѣпые станутъ зрячими.

Плехановъ придавалъ первостепенное значеніе „организациі силъ пролетаріата и воздѣйствію его организованныхъ,—т.-е. стало быть, болѣе или менѣе сознательныхъ,—силъ на его безсознательный слой“. Съ горечью говорить онъ объ отношеніи къ организациі профессиональныхъ союзовъ послѣ октябрьскаго переворота 1905 г. тѣхъ идеологовъ, которые „лихорадочно снѣвшили опередить революціонный процессъ развитія“. „Работа надъ организацией профессиональныхъ союзовъ—пишетъ онъ—многимъ казалось скучной прозой, ненужной и неумѣстной тогда, когда для нихъ стала,—какъ думали они,—легко доступной поэзія немедленной и полной побѣды надъ рыцарями кнута, палки и... погромовъ“.

Для Плеханова дѣло организациі силъ пролетаріата никогда не было „скучной прозой“. Для него организациія профессиональныхъ союзовъ представлялась одной изъ первостепенныхъ практическихъ задачъ, поставленныхъ передъ идеологами пролетаріата октябремъ 1905 г. Но, увы! эти идеологи далеко не были на высотѣ, и Плехановъ отмѣчаетъ, что онъ получилъ въ то время отъ своихъ „болѣе или менѣе поэтическихъ корреспондентовъ“ немало писемъ, въ которыхъ „на разные лады и съ болѣею или менѣею строгостію повторялся одинъ и тотъ же припѣвъ: намъ теперь не до профессиональныхъ союзовъ“.

И такіе идеологи, конечно, не жалѣли словъ и чернилъ, чтобы изобличать въ „буржуазности“ „прозаическаго“ Плеханова.

Но, какъ мы уже сказали, для Плеханова это не было „скучной прозой“. И на международномъ социалистическомъ конгрессѣ въ Штутгартѣ мы его видимъ въ комиссіи, обсуждающей вопросъ объ отношеніи между социалистическими союзами и партіями. И здѣсь онъ оберегаетъ интересы молодого, не окрѣпшаго еще русскаго профессиональнаго движенія. Ему именно принадлежитъ защита извѣстной поправки, предложенной къ резолюціи Бера представителями Петербургскихъ профессиональныхъ союзовъ. Поправка эта рекомендовала при установленіи возможно болѣе тѣсныхъ отношеній между профессиональной и партійной организацией, „имѣть постоянно въ виду единство профессиональной борьбы“. „Мы не хотѣли бы—закончилъ Плехановъ свою рѣчь въ защиту этой поправки—чтобы принятая здѣсь резолюція послужила во вредъ русскому профессиональному движенію, расколола бы его“. И благодаря защитѣ Плеханова поправка эта, имѣвшая

Тотъ, кто такъ тщательно и глубоко изучалъ экономическую эволюцію Россіи въ ея прошломъ и настоящемъ, какъ предпосылку ея политическаго освобожденія, тотъ не могъ не звать къ отпору германскому империализму, разъ онъ грозитъ странѣ экономическимъ поработаніемъ, разъ онъ грозитъ вновь привить ей отмирающія уже черты восточныхъ деспотій. Тотъ, кто придавалъ такое громадное общественно-политическое значеніе отходу древней Руси отъ Чернаго моря на верхне-волжскій суглинокъ, тотъ не могъ не предвидѣть и общественно политическихъ послѣдствій закрытія русскихъ оконъ въ Европу германскими ставнями. Наконецъ, тотъ, кто на первыхъ же страницахъ своей исторіи, написанныхъ до войны, признавалъ, что развѣтленіе всякаго общества опредѣляется взаимной борьбой классовъ тамъ гдѣ дѣло касается внутренняго общественнаго устройства, и ихъ болѣе или менѣе дружнымъ сотрудничествомъ тамъ гдѣ заходитъ рѣчь о защитѣ страны отъ внѣшнихъ нападений,—тотъ не могъ не признать и въ настоящемъ допустимости необходимости такого сотрудничества классовъ въ тотъ моментъ, когда на карту ставится все будущее страны, когда внѣшняя опасность грозитъ чуть не дочиста смыть плоды долгаго и труднаго историческаго развитія ея.

Плехановъ-марксистъ умѣлъ діалектически мыслить и потому имѣлъ смѣлость стать оборонцемъ. Въ своеобразныхъ условіяхъ міровой войны онъ звалъ своеобразнымъ оружіемъ продолжать борьбу за тѣ же задачи, которыя нѣкогда онъ и его ближайшіе товарищи формулировали въ программѣ Группы освобожденія труда.

П. Колокольниковъ.